

РОЛЬ НКО В РАЗВИТИИ COMMUNITY CARE (ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗАБОТЫ) В РОССИИ

Ирина Андреевна Григорьева^{ab} (soc28@yandex.ru),
Оксана Анатольевна Парфенова^b (oparfenova@socinst.ru)

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^b Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Григорьева И.А., Парфенова О.А. (2021) Роль НКО в развитии community care (общественной заботы) в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(1): 79–104. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.4>

Аннотация. В рамках исследования под общественной заботой (community care) мы понимаем нестационарную или «смешанную» (mix) заботу, оказываемую пожилым людям по месту жительства различными акторами (родственниками/семьей, соседями, опекунами, волонтерами, муниципальными службами, НКО и другими негосударственными провайдерами). Статья отвечает на вопрос, в каких направлениях происходит развитие общественной заботы силами НКО в современной России? В выборке представлены НКО, работающие с пожилыми. Исследование выполнено с помощью качественной методологии. Анализируемые материалы: база практик 23 НКО, включенных в организацию общественной заботы в разных регионах; 9 интервью с руководителями и сотрудниками НКО; материалы веб-сайтов НКО; нормативно-правовые акты. По результатам анализа выделены пять направлений в развитии идеологий и практик общественной заботы, инициаторами и непосредственными организаторами которых выступают НКО: 1) продвижение идей общественной заботы, взаимоподдержки и рекрутирование волонтеров разных возрастов; 2) осуществление непосредственного патронажа/ухода за маломобильными пожилыми на дому; 3) организация и проведение на своей территории мероприятий / клубов / «детских садов» для пожилых; 4) обучение родственников и других лиц, осуществляющих уход, навыкам заботы о пожилых, оказание психологической и иной поддержки; 5) обучение «коммунальных менеджеров» вместо традиционных социальных работников. Такое участие НКО позволяет компенсировать несовершенство и стандартизованность государственных сервисов и расширить палитру заботы в адрес не только пожилых, но и ухаживающих родственников. Перспективными платформами для развития заботы в сообществе являются фонды местных сообществ (ФМС), территориальные общественные самоуправления (ТОСы) и институт приемных семей для пожилых. Пандемия коронавируса показала, что местные и соседские сообщества способны эффективно решать возникающие проблемы и помогать группам, которые оказывают наиболее уязвимы в этот период (информирование, помощь с доставкой продуктов, лекарств и оплатой счетов).

Ключевые слова: community care, забота в сообществе, общественная забота, соседство, пожилые, НКО, фонды местных сообществ, ТОС, цепочки заботы.

Введение

В русском языке нет устоявшегося прямого эквивалента для понятия *community care* и порой используется словосочетание *комьюнити кеа*. Существуют разные варианты перевода и употребления этого выражения: общественный уход, общественная забота, забота в сообществе, коммунитарная забота, коммунальная социальная работа, забота по месту жительства. Мы будем употреблять варианты «забота в сообществе» или «общественная забота». Концепция общественной заботы развивается в европейских странах с 1950-х годов, с одной стороны, как критический ответ стационарным формам заботы о людях с ментальными и физическими нарушениями, а с другой — как стремление решить проблемы, с которыми государство справлялось не в полной мере. Введение в оборот выражения *community care* приписывают известному британскому социологу Ричарду Титмусу, сравнившему государство всеобщего благосостояния с тепличной розой, а заботу в сообществе с «вечным садовым домиком» (Titmuss 1968). В своей знаменитой лекции 1961 г., прочитанной в Ассоциации психического здоровья, он выразил опасения по поводу роста числа пациентов с психическими нарушениями, которых выписывают из госпиталей и которые при этом не имеют возможности получать лечение и поддержку на уровне местных сообществ. Это послужило толчком к сокращению психиатрических лечебниц и стационаров для инвалидов в пользу локальных нестационарных сервисов. Таким образом, изначально термин «общественная забота» использовался для обозначения политики перехода от больничных и интернатных форматов к обеспечению людей с ментальными и психическими проблемами на уровне общества (Means, Richards, Smith 2008). Довольно скоро концепция общественной заботы распространилась на пожилых людей и людей с ограниченными возможностями. Забота начинает интерпретироваться довольно широко, включая не только неформальный и неоплачиваемый уход, но и спектр услуг государственного, частного и добровольческого секторов. Постепенно с развитием *welfare state* (государств благосостояния) правительства все чаще заменяют *community care* на *social care* (социальное обслуживание), что указывает на рост государственных социальных служб в обеспечении ухода (Means, Richards, Smith 2008).

Следующий выход идеи «заботы в сообществе» на уровень социальной политики связывают с правительством Маргарет Тэтчер. В 1986 г. британское правительство после обнародования отчета под названием «Делая реальностью заботу в сообществе» («Making a Reality of Community Care»), в котором изложены преимущества ухода на дому, принимает новую

«политику заботы», предполагающую снижение государственных расходов на стационарные учреждения и развитие смешанной «экономики заботы», т.е. вовлечение разных провайдеров заботы. Параллельно с этим идея общественной заботы продвигается «в массы» путем популяризации добровольческого движения. Так, М. Тэтчер заявила: «Добровольческое движение является сердцем всего нашего социального обеспечения. Готовность мужчин и женщин оказывать помощь — одна из самых больших гарантий свободы. Это заставляет граждан, достаточно независимых и самостоятельных, разрешать нужды людей, поскольку они видят их, а не только потому, что государство их признает» (цит. по: Symonds, Kelly 1998). Стоит отметить, что добровольческий сектор в Англии продолжал играть важную роль в социальной поддержке даже в период подъема государства благосостояния. Именно в период преобладания государственного обеспечения были сформированы инициативные группы, для того чтобы участвовать в преодолении проблем, которые решались неадекватно. Активно развивается третий сектор, который становится важным буфером общественной заботы. Необходимость помощи пожилым и рост бедности среди пенсионеров привели к учреждению таких организаций, как «Забота о пожилых» («Age Concern»), «Взаимопомощь пожилых» («Help of Aged») и «Услуги Золушки» («Cinderella services») (Symonds, Kelly 1998: 15–37). Весь период своего премьерства М. Тэтчер акцентировала либеральную идею «меньше государства — больше общества».

Сложный не только для постсоциализма, но и для Европы в целом период 1990-х годов показал, что «золотой век социального государства» позади. Основной вклад в снижение роли государств внесла глобализация экономики, которая привела к выводу предприятий в оффшорные зоны, и соответственно сокращению налоговой базы социальных государств. Поэтому акцентировать участие граждан было необходимо, и постепенно сложилась «партиципаторная социальная политика» и «заботящееся общество». Принципы концепции «заботящегося сообщества» не новы и для Германии: еще в конце 1990-х годов они широко обсуждались в известной программе развития в Германии «инвестиционного социального государства», начало которой положил манифест Шрёдера-Блэра в 1998 г. (Блэр, Шредер 2000). Покинув уровень исключительно политических дискуссий, данный подход в настоящее время переживает ренессанс в процессе реального перераспределения государственных средств в пользу разработанных местными органами программ и обоснованных снизу расходов.

Исторически смешанная экономика общественной заботы финансировалась государством, бизнесом и благотворителями и обеспечивалась

силами волонтерского сектора, коммерческих и некоммерческих организаций, семьи и государства (Lewis 1999). Параллельно с этим уже в 1980-е годы в западных странах возникает критика *community care* за то, что она препятствует достижению гендерного равенства, поскольку зачастую ложится на плечи женщин и никак не оплачивается (Finch, Groves 1985). В настоящее время также обсуждается, что требования новых политических групп, особенно женщин, бросили вызов «мужскому государству всеобщего благосостояния» и требуют расширения служб коллективного ухода. В то же время рост доли пожилого населения и расходов на здравоохранение, а также колебания в сфере занятости усугубили проблему роста расходов (Banting, Kimlicka 2017).

Традиции взаимопомощи исторически были сильны и в дореволюционной, преимущественно крестьянской России, но советский патернализм с ними успешно боролся. Да и свободных крестьян в России было намного меньше, чем в странах, где не было крепостного права. Депозитные общества и эмеритальные кассы в дореволюционной России уже существовали, следовательно, отношения доверия сохранялись и среди городского населения. Однако все это разрушила Октябрьская революция. Теперь же мы уже 30 лет изживаем зависимость от государства «советского простого человека». Но критика конца 1980-х — начала 1990-х годов давно в прошлом. В 1990 г. был принят первый после Октябрьской революции закон об общественных объединениях, неподконтрольных государству в лице КПСС (Закон СССР от 09.10.1990 № 1708-1) и число разнообразных общественных объединений стали быстро расти, особенно в Петербурге. Законодательство об общественных организациях развивалось, и в 1996 г. появился Закон о некоммерческих организациях (ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ), которым допускалось, что «иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся в Российской Федерации, могут быть учредителями, членами и участниками общественных объединений». В период 1990–2000-х множество общественных организаций могли получать гранты и спонсорскую помощь из-за рубежа на работу с детьми-инвалидами, бездомными детьми, работницами коммерческого секса, бездомными, т.е. с теми, с кем государственные социальные службы тогда еще работали неумело. Многие работники общественных организаций в то время прошли обучение или стажировки за границей.

В числе «слабых» групп населения были и пожилые, поскольку государственное социальное обслуживание тогда было сосредоточено на надомной и срочной помощи нуждающимся. Безусловным лидером в развитии технологий ухода за пожилыми была, да и остается сейчас, еврейская

организация «Хэсэд Авраам»*, обладающая широкими международными связями и опытом помощи пожилым. В 1990-х в России в разных городах было открыто 27 аналогичных организаций**. К тому же они, как правило, тесно сотрудничали с государственными социальными службами и давно стали «поставщиками социальных услуг», пользуясь языком более позднего ФЗ № 442. Как правило, клиенты получают в «Хэсэде» дополнительное обслуживание, которое не может предоставить КЦСОН, сиделок для долговременного ухода или носимые устройства для мониторинга состояния здоровья (Тревожная кнопка). Отметим, что сегодня как регионы, так и федеральное министерство быстро реагируют на отлаженные и компактные технологии помощи, как, например, получилось, с развитием системы длительного ухода (СДУ) на базе проекта «Старость в радость». Возможно, этому способствовали как дефицит мест в интернатных учреждениях для пожилых, критика условий жизни в них наряду с дороговизной содержания для государства, так и узкий коридор для развития частных интернатов из-за малообеспеченности пожилых и их семей. Предлагаемая модель СДУ близка общественной заботе и пока активно развивается в ряде регионов с перспективой расширения.

Современное российское государство успешно сочетает либеральную риторику и патернализм. О том, что социальные службы и социальные услуги должны удовлетворять потребности населения, которое в них нуждается, написано очень много. Однако всегда оставался вопрос, каким же должен быть результат обслуживания пожилых, возможно ли добиться улучшения или хотя бы стабилизации их состояния с помощью именно тех услуг, которые предлагаются?

Развитие стандартизации социального обслуживания тем более заострило вопрос как о желаемых результатах, так и о возможности «клиенториентированной» работы, поскольку индивидуальные планы получения социальных услуг (ИППСУ) собираются из стандартных услуг, прописанных в перечнях, которые разрабатываются и утверждаются

* Межрегиональная общественная организация инвалидов и пенсионеров «Еврейский благотворительный центр “Забота — Хэсэд Авраам”» — одна из крупнейших общественных благотворительных организаций в России. «Хэсэд Авраам» был основан в 1993 г. организациями еврейской общины Петербурга при поддержке Американского еврейского распределительного комитета «Джойнт» [<https://www.hesed.spb.ru/o-nac>] (дата обращения: 19.03.2021).

** Благотворительный Фонд «Еврейский центр “Хэсэд Сара”» зарегистрирован 25 декабря 2006 г. и является самой крупной светской еврейской организацией в Нижнем Новгороде [<http://hesedsara.ru/content/o-centre>] (дата обращения: 19.03.2021).

на уровне субъектов РФ. На фоне этого набирает обороты, но в очень разном темпе, разгосударствление социального обслуживания пожилых. Этому способствовал ФЗ № 442 «О социальном обслуживании населения», вступивший в силу с 01.01.2015 г. (ФЗ 2013). Закон декларирует передачу значительной части заботы о пожилых коммерческим или иным местным организациям ухода. Эта значительная часть в данное время — не менее 10 % оказываемых услуг. Однако на практике процесс зависит от возможностей государства в лице 85 субъектов РФ субсидировать НКО или частных производителей социальных услуг, расширять перечень поставщиков социальных услуг или обеспечивать грантовую поддержку местным формам ухода. Все субъекты РФ обладают правом самостоятельного решения данных вопросов на основе своих законов и других правовых актов, принятых во исполнение федерального закона (см., например: Закон Санкт-Петербурга от 26.12.2014 № 717-135). После длительного периода монополии государства в социальном обслуживании пожилых нужен комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа СОНКО к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению. Довольно медленно создаются условия для вхождения негосударственных акторов на региональный рынок социальных услуг и развития социального предпринимательства. Сегодня СОНКО могут получать статус исполнителя (поставщика) общественно полезных услуг в упрощенном порядке, хотя определенные барьеры для их вхождения на рынок социальных услуг существуют (ФЗ от 18.03.2020 № 60-ФЗ). Опыт разных регионов в реализации ФЗ № 442 авторы подробно анализировали в своих публикациях (Парфенова, Петухова 2019; Григорьева, Сизова, Москвина 2019).

Общественная забота как предмет исследования

В западных исследованиях тема *community care* звучит активно в самых разных аспектах. Современные исследования подчеркивают важную роль местного сообщества и волонтеров в уходе за маломобильными пожилыми и людьми с деменцией и выстраивании связей между домашним окружением и внешним сообществом и фиксируют необходимость поддержки неформального волонтерства (McCall et al. 2020). Отмечается важная роль окружающей среды жилищного фонда и инфраструктуры в организации заботы «на местах» (Oswald, Wahl 2013; Wiles et al. 2012). В российском контексте непосредственно сообществам посвящено немало исследований. С развитием интернета и социальных сетей появилась возможность формировать самые разные сообщества, в том числе локальные, привязанные к определенным территориям.

Сообщества рассматриваются как активно формирующиеся в контексте борьбы за городское пространство и декларирующие, как правило, аполитичный характер (Тыканова, Хохлова 2017). Выделяют разные режимы коммуникации в сетевых сообществах — «соседский» и «гражданский». «Гражданский» режим предполагает сфокусированность сообществ на обсуждении общих интересов, появление представителей и переход в офлайн для отстаивания своих интересов (Павлов 2016).

Изучение взаимодействия соседей закрытых жилых поселков в социальных сетях позволяет исследователям сделать вывод о высоком уровне социальной солидарности, подкрепляемой личными отношениями и взаимовыручкой (Мельников, Эйтенеер 2017). На примере пригородных кварталов отмечается, что для жителей организовать долгосрочные формы солидарности (например, ТОСы) гораздо сложнее, чем разовые акции, по причине нехватки активных участников (Звоновский, Меркулова 2015). Низкую консолидацию рассматривают в качестве препятствия на пути формирования устойчивых сообществ на муниципальном уровне в регионах. В качестве причин недостаточной консолидации исследователи выделяют низкий уровень институционального и межличностного доверия (Бабинцев 2016). В свою очередь, региональная бюрократия на практике не готова к реальному сотрудничеству с общественностью, и зачастую оно носит имитационный характер (Бабинцев 2017). При этом отмечается положительное влияние общественных организаций на формирование солидарных отношений. Однако наряду с этим роль данных организаций в развитии институтов гражданского общества недооценивается экспертами и рядовыми гражданами (Реутов, Реутова, Шавырина 2015). Эффективным форматом для консолидации жителей и решения местных проблем являются так называемые «соседские центры». Они могут иметь разные организационные формы и формат работы (от площадки для встреч жителей и обсуждения общих проблем до регулярных досуговых видов активности) и базироваться на разных площадках (центры по работе с населением, центры местной активности, библиотеки) (Шомина 2015; Григорьева и Келасьев 2020).

Адресатами общественной заботы могут быть разные социальные группы (мигранты, пожилые, семьи с детьми, дети). В рамках исследования мы сфокусируемся на пожилых людях как основных получателей такой заботы. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, это очень многочисленная группа, охваченная «вниманием» государства в лице в том числе социальных служб, а с другой стороны, именно эта группа в последние годы все чаще становится целевой группой для различных НКО, что, помимо прочего, связано и с развитием законодательства о социальном обслуживании.

Российские исследователи не рассматривают местное сообщество как агента заботы, и в целом тема общественной заботы в российском контексте практически не звучит. Это касается и сельских и периферийных поселений: несмотря на существующие здесь тесные взаимосвязи, помощь местного сообщества как ресурс заботы практически не изучена (Богданова 2019). Наше исследование призвано восполнить эти пробелы и показать на примере работы НКО с пожилыми, в каких направлениях может развиваться общественная забота в России.

НКО в качестве драйвера развития заботы в местном сообществе выбраны неслучайно. В последние годы, особенно после принятия ФЗ № 442, НКО стали активным участником поля социальной политики, в том числе проводниками практик заботы. В статье мы ответим на следующий вопрос: *В каких направлениях происходит развитие общественной заботы силами НКО (на примере работы с пожилыми) в современной России?* В рамках нашего исследования под общественной заботой (community care) будем понимать любую заботу, оказываемую по месту жительства различными акторами (родственниками/семьей, соседями, опекунами, волонтерами, муниципальными службами, НКО и другими негосударственными провайдерами)

Методология исследования

Исследование выполнено с помощью качественной методологии. В качестве основных эмпирических данных мы используем собранную нами базу практик по работе с пожилыми 23 российских НКО из разных регионов, транскрипты полуструктурированных интервью с руководителями и сотрудниками НКО (N=9), имеющими многолетний опыт работы с пожилыми людьми в нескольких российских регионах (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Башкортостан, Новгородская область), материалы веб-сайтов (в том числе отчеты) российских НКО, муниципальных и общественных организаций, включенных в организацию общественной заботы, публикации в СМИ. Все материалы были собраны в 2019–2020 гг. Интервью (N=9) были взяты лично или при помощи онлайн-платформ.

Сбор и анализ материала проходил в двух направлениях. Первое включало в себя изучение материалов сайтов НКО, работающих с пожилыми в разных регионах. Всего проанализированы 23 сайта НКО из разных городов и регионов (география действия НКО охватывает Санкт-Петербург, Ленинградскую область, Москву, Псковскую область, Самару, Саратов, Орел, Челябинскую область и др.). Результатом стала сформированная база практик НКО по работе с пожилыми и их род-

ственниками. Второе направление — глубинные фокусированные интервью с руководителями и сотрудниками НКО. Фокус интервью был на работе НКО с пожилыми людьми с отдельным блоком, посвященным общественной заботе (как информанты ее понимают, какие практики относят к ней, как внедряют и развивают эти практики, насколько им знаком западный опыт). Критериями для выбора НКО в обоих случаях послужили:

- 1) устойчивость организации (существование на протяжении более года, положительная динамика в развитии);
- 2) финансирование (успешное привлечение инвестиций и пожертвований со стороны государства, частного сектора или физических лиц);
- 3) гранты, конкурсы (победа в конкурсах и получение грантов на развитие организации и проектов);
- 4) известность (освещение работы организации в СМИ, проведение конференций, распространение информации).

Анализ материалов веб-сайтов и интервью производился с помощью тематического кодирования. Представленность в базе материалов регионов разного типа (город федерального значения, небольшая область, крупная республика), имеющих разный уровень социально-экономического развития, наряду с многолетним опытом информантов, позволяет нам экстраполировать выводы на другие российские регионы.

Ограничением исследования выступает ориентация на пожилых людей как основную целевую группу получателей заботы в рамках сообщества.

Что могут НКО для развития заботы в сообществах?

Проведенное исследование показывает, что в части стимулирования и поддержания заботы в сообществе НКО выступают инициаторами и непосредственными организаторами идеологий и практик общественной заботы в следующих направлениях:

- 1) продвижение идей общественной заботы и взаимоподдержки и рекрутирование волонтеров разных возрастов;
- 2) осуществление непосредственного патронажа/ухода за маломобильными пожилыми на дому;
- 3) организация и проведение на своей территории мероприятий / клубов / «детских садов» для пожилых;
- 4) обучение родственников и других лиц, осуществляющих уход, навыкам заботы о пожилых, оказание психологической и иной поддержки;
- 5) обучение «коммунальных менеджеров» вместо традиционных социальных работников.

Рассмотрим подробнее каждое направление.

Продвижение идей общественной заботы и взаимоподдержки и рекрутирование волонтеров. Большинство НКО так или иначе привлекают волонтеров разных возрастов как для «организационного волонтерства», так и непосредственно для помощи пожилым. Это могут быть как разовые акции/мероприятия, так и регулярные. Некоторые НКО имеют свою «базу» волонтеров. Среди анализируемых нами НКО мы выделили несколько форм волонтерства. Оно может осуществляться как на базе НКО (парикмахерские услуги, прием врачей, помощь в дневном «детском саду» и т.п.), так и в квартирах у волонтеров, например проект «Теплый дом» — добровольцы в своих квартирах устраивают совместное отмечание праздников с одинокими и маломобильными пожилыми, чаепития и др. (интервью 2).

Волонтеры могут быть из разных возрастных групп. Например, студенты или представители определенных профессий (фотографы, парикмахеры, дизайнеры). Волонтерский проект «Старость в радость», начавшейся с привлечения молодежи для переписки с пожилыми людьми из домов престарелых, вырос в благотворительный фонд, который расширил свою географию и спектр помощи. Фонд также стал идеологом внедрения системы долговременного ухода*.

В роли волонтеров часто выступают и сами пожилые. Организаторы подобного проекта по созданию волонтерского движения среди пенсионеров в Тосненском районе (Ленинградская обл.) предложили пожилым волонтерам обучиться парикмахерскому искусству, чтобы помогать соседям со слабым здоровьем. Помимо парикмахерских услуг, волонтеры старшего возраста помогают своим соседям с мелким бытовым ремонтом. Эту задачу обычно решают мужчины, которые также участвуют в волонтерском движении. Организаторы проекта периодически закупают оборудование для маломобильных пожилых людей — ступени и поручни для ванных комнат, и пожилые мужчины-волонтеры помогают с их установкой**. И мелкий ремонт в квартирах с адаптацией жилья под нужды маломобильных, и возможность постричься очень важны для пожилых, но практически отсутствует в стандартных перечнях услуг, предлагаемых ЦСОН. Поэтому такое расширение необходимых услуг очень востребовано. Кроме того, волонтерство пожилых способствует преодолению их социальной исключенности в разных сферах жизни (подробнее см.: Парфенова 2020).

* <https://starikam.org/sdu/>.

** http://grants.dobrygorod.spb.ru/case_5.

Продвижение идей заботы возможно не только среди добровольцев и местных жителей, но и среди других НКО и государственных центров социального обслуживания. В наших интервью обнаружился успешный пример «наследования» и распространения инициативы по привлечению пожилых в качестве добровольцев от одного НКО в Санкт-Петербурге к нескольким НКО в Ленинградской области (интервью 1, 3). Пожилые добровольцы помогают разным социальным группам (помощь бездомным, маломобильным пожилым в их квартирах, посещение детей в интернатах, стационаров для пожилых) (интервью 3). На базе досуговых отделений КЦСОНов пожилые волонтеры, следуя примеру НКО, работают в качестве руководителей и ведущих кружков и т.п. (интервью 2). Это помогает сделать досуговые программы КЦСОН более разнообразными и направленными не только на развлечение, но и на развитие мелкой моторики, что способствует интеллектуальной сохранности и даже реабилитации после инсультов и т.п.

Роль волонтеров (преимущественно в крупных городах) в период пандемии трудно переоценить, особенно в части помощи маломобильным пожилым, которые являются основным объектом в развитии общественной заботы в следующем направлении.

Осуществление непосредственного патронажа/ухода за маломобильными пожилыми на дому. Мы выделили помощь маломобильным пожилым в отдельное направление, поскольку это наиболее уязвимая группа, имеющая очень ограниченные возможности для получения поддержки за пределами своей квартиры. Вовлекать волонтеров в работу с маломобильными пожилыми наиболее сложно, но и наиболее важно, поскольку эта группа находится в самом уязвимом положении (одиночество, немобильность, исключенность). В рамках нашего исследования отдельно стоит отметить проекты по развитию волонтерских инициатив «пожилые в помощь пожилым»*. Суть проектов состоит в том, чтобы рекрутировать активных пожилых для помощи маломобильным пожилым, регулярного посещения и общения. Во многих случаях общение может быть по телефону как регулярные звонки маломобильным. В подобных проектах в качестве организаторов участвовали наши информанты из четырех регионов — Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Новгородской и Ленинградской областей. По словам одного из информантов, проект приносил пользу как волонтерам (активизация, ощущение нужности), так и благополучателям (социализация, поддержка и физическая помощь). Примерно от 8 до 15 человек регулярно без дополнительной оплаты ходили

* Грант КАФ-Россия, Проект «Сила малых дел» (на базе КЦСОН).

и навещали пожилых на дому, делали с ними легкие физкультурные упражнения, обсуждали последние новости. В период пандемии такие звонки помогали «узникам квартир» чувствовать себя лучше, оказывали реальную психотерапевтическую поддержку. Причем для таких поддерживающих бесед нужна скорее не высокая профессиональная квалификация, а чувство эмпатии, или, как говорил когда-то один из идеологов развития социальной работы в России Т. Шанин, скорее милосердие, чем умение. Психологические и психолого-педагогические услуги входят в перечень услуг, оказываемых КЦСОН, однако, как правило, не психолог приходит к пожилому человеку, а сами пожилые должны прийти к нему за беседой или консультацией. Волонтеры, таким образом, оказывали помощь и родственникам, которые не всегда могли присмотреть за пожилым человеком. В рамках другого проекта пожилые волонтеры со своими маломобильными подопечными вместе ездят на мероприятия, посещают музеи, спектакли. Раз в квартал планируется поездка в театр, музей, паломническая поездка (интервью 8, Новгородская область).

Однако рекрутировать добровольцев для такого формата непросто. Сами активисты НКО в массе предпочитают другие мероприятия или формы активности: с детьми, организацию праздников и т.п. А от посещения социально изолированных пожилых уклоняются под предлогом того, что «мне тяжело на это смотреть», «я боюсь такой старости» и т.д. Эта позиция «молодых пожилых» основывается на «внушенной беспомощности» и даже желании самим быть в роли объектов помощи. Ведь обслуживание пожилых строилось на гипостазировании их слабости и поэтому гиперопеке, границы которой теперь, после 2015 г., очерчивает только платность услуг.

Отдельная сложность — поддержание волонтерской инициативы, о чем говорят сами руководители проектов:

— *Они смогут сами самоорганизоваться, как вы думаете?*

— *Нет. Нужен человек, который бы не контролировал, а вел эту работу. <...> Если бы у нас работали нормально сельские старосты, если бы у нас нормально работали ТОСы и ТСР, то есть были бы руководители такие, они могли бы вести эту работу. Но, увы и ах, по большому счету у нас эти ТСН и ТОСы только на бумаге* (интервью 8, Новгородская обл.).

По мнению информанта, требуется механизм передачи курирования подобных инициатив после окончания проекта, например государственным комплексным центрам. На наш взгляд, сотрудничество НКО с государственными сервисами (КЦСОНами), имеет большой потенциал, поскольку именно государственные сервисы, осуществляющие надомное

обслуживание, на сегодняшний день обладают самой полной базой маломобильных клиентов и большой базой активных пожилых клиентов досуговых отделений (особенно в городах). При этом социальное обслуживание на дому на практике сводится к инструментальной заботе (доставка продуктов и лекарств, вынос мусора и т.п.) и практически не содержит в себе социальный компонент (прогулки, упражнения, полноценное общение). Курированием волонтерских инициатив могут также заниматься муниципалитеты, и в последние годы мы видим подъем локальных сельских проектов, в частности благодаря поддержке Фонда Е. и Г. Тимченко, фонда «Добрый город Петербург» и других организаций.

Организация и проведение на своей территории мероприятий / клубов / «детских садов» для пожилых. Клубы и школы для пожилых могут быть эффективны в том числе в части распространения идей заботы. НКО здесь могут успешно выступать как платформа / ресурсный центр, призванный привлечь и объединить пожилых, активизировать их. Мы ранее подробно описали опыт таких клубов в различных европейских странах (Grigoryeva et al. 2019).

К сожалению, для маломобильных пожилых часто эта опция недоступна ввиду ограничений инфраструктуры (отсутствие спецтранспорта для подвоза на занятия, отсутствие лифтов в жилых домах и т.п.). Если говорить о дневных «детских садах» для пожилых, то этот формат встречается крайне редко (в нашей выборке среди НКО только на базе «Хэсэда-Авраама»). В Хэсэде «детский сад» адресован пожилым на ранней стадии деменции для поддержания как их состояния, так и семьи, в которой живет пожилой. В то же время такая опция могла бы сильно облегчить финансовую и психологическую нагрузку на работающих членов семьи. Часто заботящиеся (как правило, взрослые дети) совмещают профессиональную занятость с необходимостью ухода за пожилым родственником, и в случае невозможности оплачивать ухаживающий персонал вынуждены оставлять работу или помещать родственника в дом престарелых.

Однако если к таким мероприятиям привлечь муниципалитеты, то ряд вопросов, например поиск необходимого помещения, оплата аренды и коммунальных платежей, можно легко решить. Можно открыть и муниципальный центр для пожилых с упором на обслуживание маломобильных и подвозить одиноких из дома. Там можно, как это делается в Англии, не только вести какие-то интересные занятия, например, танцы или йогу, но и организовать парикмахерскую силами других пожилых, стирку и ремонт одежды и т.п. В нашей выборке подобные активности мы наблюдали на базе «Хэсэд-Авраам», где помощь пожилых пожилым издавна является обязательной практикой в рамках идеологии взаимо-

помощи идишкайт. Вопрос в том, чтобы досуговые занятия не перекрывали необходимость и возможность получения уходовых процедур, чтобы пожилые не запускали себя до состояния, когда появляется «запах старости» (Рогозин 2018: 139).

Обучение родственников и других лиц, осуществляющих уход, навыкам заботы о пожилых, оказание им психологической и иной поддержки. Профессиональным обучением ухаживающих помощников (в том числе членов семьи) занимаются не так много организаций. Однако базовыми знаниями об особенностях людей старшего возраста и о технологиях ухода за ними должен владеть любой ухаживающий помощник. Другая проблема состоит в том, что обучающие организации сосредоточены в крупных городах (как правило, в Москве и Санкт-Петербурге).

Одним из таких примеров служит проект «Кафе Незабудка» — первое в России альцгеймер-кафе. Сбор участников происходит в конце каждого месяца и включает в себя чай с угощением, танцы и другие развлекательные мероприятия для пожилых людей с деменцией. На каждую встречу фонд приглашает в клуб артистов или проводит мастер-классы, в которых можно поучаствовать всем вместе*. Другой проект фонда — онлайн-курс по уходу за людьми с деменцией. Часто у людей нет элементарных знаний о деменции и понимания того, что происходит с их близким. После прохождения курса родственники смогут составить план по уходу и улучшить качество жизни своей семьи**. Для родственников и подопечных это очень полезные форматы, поскольку помогают улучшить качество ухода и снизить психологическую нагрузку, не делая пожилого человека с ранними признаками деменции жертвой своей болезни. Однако в России до сих пор люди не верят, что проживут долго и что к этому нужно готовиться, т.е. учиться ухаживать за пожилым близким родственником и научиться самопомощи, чтобы как можно дольше сохранять независимость. Более того, нам кажется, что задача сохранения независимости и обучения этому даже не осознается как важная и актуальная ни самими пожилыми, ни их семьями.

Обучение «коммунальных менеджеров», а не традиционных социальных работников. Для включения в повестку вопросов заботы, в том числе о маломобильных пожилых, необходима дополнительная работа. Для этого необходимо привлекать «специалистов-практиков по развитию сообщества» (IACD 2018). В Великобритании, где очень развита традиция общественной заботы, обучению работе на местном уровне придается

* https://www.alzrus.org/uhazhivayuschim_licam_i_pacientam/klub-nezabudka/.

** <https://www.asi.org.ru/news/2019/04/24/fond-altsrus-zapustil-besplatnyj-onlajn-kurs-po-uhodu-za-lyudmi-s-dementsiej/>.

большое значение. Это не работа в учреждении. Социальный работник должен идти в паб, чтобы за кружкой пива поговорить с местными жителями, или на детскую площадку, чтобы пообщаться с бабушками и мамами детей, живущих рядом. Задача социального работника состоит в том, чтобы определять заинтересованность жителей в коллективном действии и возможных вкладах, которые они могли бы сделать и соединять их с другими индивидами. Цель состоит в том, чтобы помочь социальному работнику сформировать группу с последующим преобразованием в организацию, которая будет представлять интересы жителей (Henderson, Thomas 2012). Мотивация к совместной работе в сообществе, отмечает также Хендерсон, включает в себя осмысление и видение. Осмысление является средством, через которое люди и группы преодолевают то, что называют «параличом сознания», и становятся способными понимать, осмысливать и ясно формулировать, что происходит вокруг них и посягает на их социальные, экономические и политические сферы жизни. Осмысление дает понимание того, как вмешаться, чтобы затронуть эти силы, прогнозировать, управлять и преодолевать их. Методы для облегчения осмысления были развиты и активно использовались социальными работниками в сообществах.

ТОСы, ФМС и приемные семьи для пожилых как платформы для развития заботы в сообществе

Помимо НКО, существуют другие агенты, которые могли бы активно участвовать в развитии заботы в местном сообществе. Это органы территориального общественного самоуправления (ТОСы) и фонды местных сообществ (ФМС). Под территориальным общественным самоуправлением понимается «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения» (ст. 27 ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). ТОСы начали возникать в 1980-х годах, в 2016 г. создана общероссийская ассоциация ТОС*. Елена Шомина, председатель правления АТОС считает, что ТОСы могли бы стать аналогом или платформой для развития местных/соседских сообществ в России ввиду их массовости и давней истории (Шомина 2018). В настоящее время в работе ТОСов акцент делается на благоустройстве или взаимодействии с управляющими компаниями, которые этим занимаются, как и в работе местных активистов (Григорьева, Келасьев 2020).

* <http://oatos.ru/>.

Еще одним вариантом работы/заботы в сообществах можно считать Фонды местных сообществ (ФМС), которые возникли в Германии в 1990-е годы. На сегодняшний день там насчитывается 378 ФМС (Люк 2017). Фонды различаются по бюджету и количеству участников, занимаются всевозможными локальными проектами для разных социальных групп — пожилых, детей, беженцев. ФМСам приписывают важную роль в том, что в Германии не разразился кризис вследствие большого потока беженцев в 2015–2016 гг. Проблемы: финансовая устойчивость и вовлечение более молодых поколений (большинство основателей и волонтеров ФМС сегодня — пожилые и люди предпенсионного возраста) (Люк 2017).

В России проект развития ФМС был реализован Фондом «CAF-Russia». По последним данным, насчитывается 70 ФМС в 29 регионах. Более половины из них находится в сельской местности (Аврорина, Ходорова 2017). На фоне наличия 20 846 муниципальных образований в России на 01.01.2020 г. это пока совсем немного. В показателях оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов наличие ФМС или каких-то результаты их деятельности не отражено (База данных показателей муниципальных образований 2020). Помимо проектов по благоустройству, экологии и культуры, многие ФМС оказывают помощь детям, семьям, людям с инвалидностью, взрослым и пожилым. Волонтеры составляют костяк фондов. Средства на проекты привлекаются из муниципальных и иных грантов, от различных доноров (в частности, крупных промышленных предприятий). Эксперты отмечают: благодаря тому, что российские ФМС не получали пожертвований от иностранных доноров, они не воспринимаются как «иностранный продукт», что способствует позитивному отношению к благотворительности у местного населения (Хартнелл 2018).

Активно развивающийся институт приемной семьи — еще одна возможная платформа, позволяющая совершить дрейф от стационарной заботы к общественной. Практика приемных семей действует уже в 40 регионах РФ, опираясь на региональные нормативные акты. При этом принимающей семьей может быть как семья с детьми, где приемный пожилой будет «бабушкой», так и более молодая пожилая женщина, оказывающая дружескую поддержку в формате «пожилые — пожилым». Так, в Республике Саха — Якутия, где приемные семьи развиваются с 2013 г., к 2017 г., согласно отчетам правительства, ликвидирована очередность в стационарные учреждения социального обслуживания*.

* <https://mintrud.sakha.gov.ru/spravochnaja-informatsija-/itogi-2017-goda>.

Однако статус приемных семей для пожилых до сих пор не закреплён в федеральном законодательстве. В конце мая Комитет по социальной политике Совета Федерации объявил о разработке федерального законопроекта о приемных семьях для пожилых и людей с инвалидностью, проживающих в стационарах*. По мнению разработчиков законопроекта, в ряде случаев он поможет заменить стационарную форму заботы на семейную и справиться с ситуацией социального одиночества у пожилых.

Заключение

Организация заботы в сообществе — системный и сложный процесс, в который должны быть вовлечены разные акторы, начиная от местных жителей и НКО и заканчивая муниципалитетами, государственными органами власти, благотворительными организациями и др. Важно, что пожилые люди могут выступать не только в роли тех, о ком заботятся (подопечных), но и в роли активных агентов заботы (в том числе самозаботы). Проведенное исследование показывает, что НКО могут выступать инициаторами и непосредственными организаторами идеологий и практик общественной заботы в следующих формах:

- 1) продвижение идей заботы и взаимоподдержки и рекрутирование волонтеров;
- 2) осуществление непосредственного патронажа/ухода за маломобильными пожилыми на дому;
- 3) организация и проведение на своей территории мероприятий / клубов / «детских садов» для пожилых;
- 4) обучение родственников и других лиц, осуществляющих уход, навыкам заботы о пожилых, оказание психологической и иной поддержки;
- 5) обучение «коммунальных менеджеров» вместо традиционных социальных работников.

Такое участие НКО позволяет компенсировать несовершенство и стандартизованность государственных сервисов и расширить палитру заботы в адрес не только пожилых, но и ухаживающих родственников, которые, как правило, вообще остаются за скобками.

Альтернативными площадками для организации общественной заботы могут выступать ФМС и ТОС, которые пока сфокусированы в основном на проблемах локальных территорий. Развитие института приемных семей для пожилых — еще один способ совершить переход от стационарной заботы в пользу «общественной». На наш взгляд, наиболее эффективным является такой подход к организации общественной заботы,

* <https://tass.ru/obschestvo/8561727>.

при котором в процесс вовлечены разные акторы, включая местных жителей, государственные и муниципальные службы и органы власти, некоммерческие и бизнес-организации.

Отдельно отметим, что в наиболее уязвимом положении находятся маломобильные пожилые в малых населенных пунктах (особенно в сельской местности), где доступ к медико-социальной помощи часто затруднен, слабо развита инфраструктура. НКО здесь, как правило, не ведут активной масштабной работы. Возможным выходом представляется создание и развитие ФМС и локальных НКО, а также развитие некоммерческих стационарных мини-пансионатов для пожилых (и такие примеры уже существуют). В качестве координаторов и организаторов общественной заботы могли бы выступать сельские старосты и социальные участковые, возможно, объединяя ресурсы нескольких близко расположенных населенных пунктов.

Пандемия коронавируса показала, что местные и соседские сообщества способны эффективно решать возникающие проблемы и помогать группам, которые оказались наиболее уязвимы в этот период (информирование, помощь с доставкой продуктов и лекарств и оплатой счетов и т.д.). Публикации в «соседских» сообществах о помощи нередко находят отклик, и люди делятся с соседями продуктовыми наборами. НКО оперативно выступили с «эвакуацией» подопечных из интернатов. «До того, как началась пандемия, власти были непреклонны: чтобы расселить психоневрологические интернаты, нужны годы, а формат сопровождаемого проживания подходит далеко не каждому. А потом произошло невероятное: за считанные дни НКО смогли вывезти из интернатов десятки людей» (Фрейнман 2020).

Политика заботы со стороны государства в России должна сосредоточиться не только и, может быть, не столько на преодолении проблем старения, сколько на выявлении и использовании возможностей для развития новых форм солидарности. Поэтому, на наш взгляд, государству необходимо поощрять любую взаимопомощь, особенно направленную на маломобильных, социально изолированных членов сообществ. Будущее современного постиндустриального общества — пожилые.

От непродуктивного обсуждения страхов старения нужно перейти к пониманию и использованию возможностей старения и пожилых людей.

Литература

Аврорина Л., Ходорова Ю. (2017) *Когда размер имеет значение. Феномен развития фондов местных сообществ в сельских территориях и малых городах России*. М.: САФ Россия.

Бабинцев В.П. (2016) Проблемы консолидации местных сообществ. *Вестник Института социологии*, 17(2): 46–65.

Бабинцев В.П. (2017) Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия. *Власть*, 3: 34–41.

Богданова Е. (2019) Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения. Бороздина Е., Темкина А. Здравомыслова Е. (ред.) *Критическая социология заботы*. СПб.: Изд-во ЕУСПб: 277–310.

Григорьева И.А., Келасьев О.В. (2020) Пожилая российская женщина в местном сообществе: соседи, общественные организации, система жилищно-коммунального хозяйства. *Успехи геронтологии*, 33(2): 220–227.

Григорьева И.А., Сизова И.Л., Москвина А.Ю. (2019) Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 4: 153–172. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.08>.

Звоновский В., Меркулова Д. (2015) Формы социальной активности в новых территориальных сообществах. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 82–89.

Люк Н.К. (2017). Роль немецких фондов местных сообществ в «беженском кризисе». *Правовой диалог* [<https://legal-dialogue.org/ru/role-german-community-foundations-refugee-crisis>] (дата обращения: 25.03.2021).

Мельников М., Эйтенев Е. (2017) Отношения соседства в огражденных жилых сообществах. *Общество: социология, психология, педагогика*, 7: 15–19.

Павлов А. В. (2016) Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 5: 46–57.

Парфенова О.А. (2020) Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 119–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>.

Парфенова О.А., Петухова И.С. (2019) Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 173–186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>.

Реутов Е., Реутова М., Шавырина И. (2015) Деятельность общественных организаций как фактор развития солидарных отношений в регион. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 59–67.

Рогозин Д.М. (2018) Что делать со стареющим телом? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2): 133–164.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2017) Между политическим и аполитичным: формы участия локальных сообществ в защите городских территорий. *Современный город: власть, управление, экономика*, 1: 218–236.

Фрейман Н. (2020) Изоляция по любви. *Филантроп. Электронный журнал о благотворительности* [<https://philanthropy.ru/heroes/2020/05/12/89104/>] (дата обращения: 25.03.2021).

Шомина Е. (2015) Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 8(4): 95–104.

Banting K., Kymlicka W. (eds.) (2017) *The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies*. Oxford: Oxford University Press.

Beresford P., Carr S. (eds.) (2018) *Social Policy First Hand. An International Introduction to Participatory Social Welfare*. Bristol: Policy Press.

Finch J., Groves D. (1985) Community Care and the Family: A Case for Equal Opportunities? In: Ungerson C. (ed.) *Women and Social Policy*. London: Palgrave: 218–242.

Henderson N., Thomas D.N. (2012) *Skills in Neighbourhood Work*. L.; N.Y.: Routledge.

Grigoryeva I., Vidasova L., Dmitrieva A., Sergeeva O. (2019) *The Elderly in Modern Russia: Between Employment, Education, and Health*. Cham: Springer.

Lewis P.J. (1999) The Concepts of Community Care and Primary Care in the UK: the 1960s to the 1990s. *Health & Social Care in the Community*, 5(7): 333–341.

McCall V. et al. (2020) Blurring and Bridging: The Role of Volunteers in Dementia Care within Homes and Communities. *Journal of Social Policy*, 49(3): 1–21. <https://doi.org/10.1017/S0047279419000692>.

Means R., Richards S., Smith R. (2008) *Community care: policy and practice*. L.: Palgrave.

Oswald F., Wahl H.-W. (2013) Creating and Sustaining Homelike Places in Own Home Environments. In: Rowles G.D., Bernard M. (eds.) *Environmental Gerontology*. N.Y.: Springer: 53–77.

Symonds A., Kelly A. (eds.) (1998) *The Social Construction of Community Care*. L.: Palgrave.

Titmuss R.M. (1968) Community Care: Fact or Fiction? In: Titmuss R.M. (ed.) *Commitment to Welfare*. L.: Allen and Unwin: 221–225.

Wiles J. et al. (2012) The Meaning of «Aging in Place» to Older People. *Gerontologist*, 52(3): 357–366.

Источники

IACD (2018) *На пути к общим международным стандартам практики развития сообществ* [<https://www.iacdglobal.org/wp-content/uploads/2018/08/IACD-Standards-Guidance-2018-in-Russian.pdf>] (дата обращения: 01.02.2021)

База данных показателей муниципальных образований (2020) *Государственный комитет по статистике* [<https://www.gks.ru/storage/mediabank/munstat.htm>] (дата обращения: 21.06.20).

Блэр Т., Шредер Г. (2000) Европа: Третий путь — новая середина. *Социал-демократия перед лицом глобальных проблем*. М.: ИНИОН.

Закон Санкт-Петербурга от 26.12.2014 № 717-135 «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.10.2019). [https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/11/27/22/zakon_SPb_717-135_red_04.07.2019_dei_01.10.2019] (дата обращения: 13.02.2021).

Закон СССР от 09.10.1990 № 1708-1 (с изм. от 19.05.1995) «Об общественных объединениях». [<https://legalacts.ru/doc/zakon-sssr-ot-09101990-n-1708-1-s/>] (дата обращения: 19.03.2021).

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (последняя редакция) [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/38016/>] (дата обращения: 13.02.2021).

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=285678-9&rnd=043F6D450A723907D9A7170397EFD884>] (дата обращения: 19.03.2021).

Федеральный закон от 18.03.2020 № 60-ФЗ. «О внесении изменений в статьи 2 и 31.4 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [www.kremlin.ru/acts/bank/45306] (дата обращения: 13.02.2021).

Хартнелл К. (2018) *Благотворительность в России. Краткий отчет*. [http://www.cafrossia.ru/page/otchet_blagotvoritelnost_v_rossii] (дата обращения: 01.02.2021).

Шомина Е.А. (2018) *Развитие местных сообществ: глядя на Россию из Ирландии* [<https://social.hse.ru/pa/news/229689500.html>] (дата обращения: 01.02.2021).

Список сайтов НКО

Автономная некоммерческая организация «Ассоциация волонтеров Южного Урала»

Автономная некоммерческая организация «Дом сестринского ухода “Благолетие”» (<http://blagoletie59.ru/blagoletie/o-nas>)

Автономная некоммерческая организация «Центр проектных решений общественно-активных школ» (<http://cproah.ru/>)

Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Школа патронажного ухода “Внимание и забота”» (<https://allnurses.ru/>)

Автономная некоммерческая организация «Центр социального обслуживания населения “Исток”» (<https://istok.gosrb.ru/>)

Автономная некоммерческая организация «Центр социальных и культурно-просветительских услуг “Друзья общины святого Эгидия”»

Благотворительный фонд «Добрый город Петербург» (<http://dobrygorod.spb.ru>)

Благотворительный фонд «Старость в радость» (<https://starikam.org/about/mission/>)

Благотворительный фонд поддержки и развития просветительских и социальных проектов «ПСП-фонд» (<http://psp-f.org/>)

Благотворительный фонд содействия развитию человека, общества, культуры «София» (<https://sofiafond.ru/>)

Межрегиональная общественная организация инвалидов и пенсионеров «Еврейский Благотворительный Центр “Забота — Хэсэд Авраам”» (<https://hesed.spb.ru/about/>)

Немецкая национальная районная общественная организация Алтайской краевой общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (<https://www.nko22.ru/nko/vserossiyskoe-obshchestvo-invalidov-nemetskaya-natsionalnaya-rayonnaya-obshchestvennaya-organizatsiya/ob-organizatsii-vserossiyskoe-obshchestvo-invalidov-nemetskaya-natsionalnaya-rayonnaya/>)

Общероссийская общественная организация «Российский Красный Крест» (<http://www.redcross.ru/o-nas/oficialnye-dokumenty>)

Орловская областная организация общества «Знание» (<http://www.znanie57.ru/>)

Региональная общественная организация «Школа третьего возраста» (Гатчина) (<http://shkola3vozrasta.ru/>)

Региональная общественная организация Республики Башкортостан «Координационно-ресурсный центр пенсионеров “Мои года — мое богатство”» (<https://moigoda.org/about/>)

Региональный благотворительный фонд «Самарская губерния» (<http://silveragemap.ru/>)

Религиозная организация «Католический благотворительный центр “Каритас Санкт-Петербург”» (<http://www.caritas-spb.org.ru/>)

Санкт-Петербургская общественная благотворительная организация «Покровская община» (<https://www.omophor.ru/>)

Санкт-Петербургская благотворительная общественная организация гражданского просвещения «Дом проектов» (<https://hprojects.ru>)

Фонд «Альцрус» (https://www.alzrus.org/ob_organizacii/)

Фонд социальной поддержки граждан «Забывтые живые» (<http://fondstariki.ru/?cat=5>)

Челябинская региональная просветительская общественная организация «Общество “Знание”» (<http://www.znanie74.ru/>).

Список интервью с руководителями и сотрудниками НКО

Интервью 1, ж., руководитель НКО, Санкт-Петербург

Интервью 2, ж., зам. директора межрегиональной общественной организации Санкт-Петербург

Интервью 3, ж., руководитель НКО, Ленинградская обл.

Интервью 4, м., руководитель благотворительного фонда, Санкт-Петербург

Интервью 5, ж., председатель региональной общественной организации, Республика Башкортостан

Интервью 6, ж., куратор проектов САФ, направленных на пожилых, Новгородская область

Интервью 7, ж., эксперт по оценке программ НКО, Санкт-Петербург

Интервью 8, ж., эксперт по оценке программ НКО, Санкт-Петербург

Интервью 9, ж., руководитель направления в общественной организации Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

THE ROLE OF NGOS IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNITY CARE IN RUSSIA

Irina Grigoryeva^{ab} (soc28@yandex.ru),
Oksana Parfenova^b (oparfenova@socinst.ru)

^aSaint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

^bSociological Institute of the RAS, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Citation: Grigoryeva I., Parfenova O. (2021) Rol' NKO v razviti community care (obshchestvennoy zaboty) v Rossii [The Role of NGOs in the development of community care in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(1): 79–104 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.4>

Abstract. By community care we mean any non-stationary or “mixed” care provided by close relatives / family, neighbors, guardians, NGOs, volunteers, municipal services, etc. The article answers the question: In what directions is the development of community care possible by NGOs (for example, working with the older people)? The study was carried out in line with the qualitative methodology. As empirical data, we used interviews with leaders and employees of NGOs in different Russian regions; materials of websites of NGOs, municipal and public organizations included in the organization of public care; publications. After analyzing the activities of NGOs (using the example of working with the elderly), we identified 5 existing directions in the development of community care: 1) Promotion of the ideas of community care, and mutual support and recruiting volunteers; 2) Implementation of direct patronage / care of older people with limited mobility at home; 3) Organization and conduct on its territory of events / clubs / “kindergartens” for the older people; 4) Training of relatives and other carers in the skills of caring for the older people, providing psychological and other support; 5) Training “community managers” instead of traditional social workers. Promising platforms for the development of community care are local community foundations (FMS), territorial

public self-government (TOS) and the institution of foster families for the older people. The most effective approach is to organize community care, in which various actors are involved in the process, including local residents, state and municipal services and authorities, non-profit and business organizations.

Keywords: community care, neighborhood, the older people, NGOs, local community foundations.

References

Avrorina L., Khodorova Y. (2017) *Kogda razmer imeyet znachenie. Fenomen razvitiya fondov mestnykh soobshchestv v sel'skikh territoriyakh i malykh gorodakh Rossii* [When size matters. The phenomenon of the development of funds of local communities in rural areas and small towns of Russia]. Moscow: CAF Rossiya (in Russian).

Babintsev V.P. (2016) Problemy konsolidatsii mestnykh soobshchestv [Problems of consolidation of local communities]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 17(2): 46–65 (in Russian).

Babintsev V.P. (2017) Vlast' i obshchestvo v «provintsial'nom» regione: spetsifika vzaimodeystviya [Power and society in the “provincial” region: the specifics of interaction]. *Vlast'* [Power], 3: 34–41 (in Russian).

Banting K., Kymlicka W. (eds.) (2017) *The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies*. Oxford: Oxford University Press.

Beresford P., Carr S. (eds.) (2018) *Social Policy First Hand. An International Introduction to Participatory Social Welfare*. Bristol: Policy Press.

Bogdanova E. (2019) *Rezhim zaboty o pozhilykh malomobil'nykh lyudyakh v periferiynykh poseleniyakh: uspekhi i neudachi v preodolenii sotsial'nogo isklyucheniya* [Care regime for elderly people with limited mobility in peripheral settlements: successes and failures in overcoming social exclusion] In: Borozdina E., Temkina A., Zdravomyslova E. (eds.) *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty*. St. Petersburg: Izdatel'stvo EU SPb.: 277–310 (in Russian).

Finch J., Groves D. (1985) Community Care and the Family: A Case for Equal Opportunities? In: Ungerson C. (ed.) *Women and Social Policy*. London: Palgrave: 218–242.

Freyman N. (2020) Izolyatsiya po lyubvi [Isolation for love]. *Filantrop. Elektronnyy zhurnal o blagotvoritel'nosti* [Philanthropist. Electronic magazine about charity] <https://philantropy.ru/heroes/2020/05/12/89104/> (accessed: 25.03.2021) (in Russian).

Grigoryeva I., Vidasova L., Dmitrieva A., Sergeeva O. (2019) *The Elderly in Modern Russia: Between Employment, Education, and Health*. Cham: Springer.

Grigoryeva I.A., Kelasyev O.V. (2020) Pozhilaya rossiyskaya zhenshchina v mestnom soobshchestve: sosed, obshchestvennyye organizatsii, sistema zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva [An elderly Russian woman in the local community: neighbors, public organizations, the system of housing and communal services]. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology], 33(2): 220–227 (in Russian).

Grigoryeva I.A., Sizova I.L., Moskvina A.Y. (2019) Sotsial'noye obsluzhivaniye pozhilykh: realizatsiya Federal'nogo zakona № 442 i dal'neyshiyey perspektivy [Social services for the elderly: implementation of Federal Law No. 442 and future prospects]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Moni-

toring Public Opinion: Economic and Social Change], 4: 153–172 (in Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.08> (in Russian).

Henderson N., Thomas D.N. (2012) *Skills in Neighbourhood Work*. London, New York: Routledge.

Lewis P.J. (1999) The Concepts of Community Care and Primary Care in the UK: the 1960s to the 1990s. *Health & Social Care in the Community*, 5(7): 333–341.

Lyuk N.K. (2017) Rol' nemetskikh fondov mestnykh soobshchestv v "bezhenkom krizise" [The role of German community foundations in the "refugee crisis"]. *Pravovoy dialog* [<https://legal-dialogue.org/ru/role-german-community-foundations-refugee-crisis>] (accessed: 25.03.2021) (in Russian).

McCall V. et al. (2020) Blurring and Bridging: The Role of Volunteers in Dementia Care within Homes and Communities. *Journal of Social Policy*, 49(3): 1–21. doi:10.1017/S0047279419000692.

Means R., Richards S., Smith R. (2008) *Community care: policy and practice*. London: Palgrave.

Melnikov M., Eytenev E. (2017) Otnosheniya sosedstva v ograzhdennykh zhilykh soobshchestvakh [Neighborhood relations in fenced residential communities]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 7: 15–19 (in Russian).

Oswald F., Wahl H.-W. (2013) Creating and Sustaining Homelike Places in Own Home Environments. In: Rowles G.D., Bernard M. (eds.) *Environmental Gerontology*. New York: Springer: 53–77.

Parfenova O.A. (2020) Vovlecheniye pozhilykh v volonterskuyu i grazhdanskuyu aktivnost' kak instrument preodoleniya sotsial'nogo isklucheniya [Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities as a Tool to Overcome Social Exclusion]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change], 4: 119–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580> (in Russian).

Parfenova O.A., Petukhova I.S. (2019) Konkurentsia za zabotu o pozhilykh: taktiki sotsial'nykh servisov v novykh usloviyakh [Competition for the care for the elderly: strategies of social services in the new environment]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change], 4: 173–186. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09> (in Russian).

Pavlov A.V. (2016) Lokal'nyye gorodskiyе soobshchestva v sotsial'nykh setyakh: mezhdud «Sosedskoy» i «Grazhdanskoy» kommunikatsiyey [Local urban communities in social networks: between "Neighbor" and "Civic" communication]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research], 5: 46–57 (in Russian).

Reutov Ye., Reutova M., Shavyrina I. (2015) Deyatel'nost' obshchestvennykh organizatsiy kak faktor razvitiya solidarnykh otnosheniy v region [Activities of public organizations as a factor in the development of solidarity relations in the region]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change], 5(129): 59–67 (in Russian).

Rogozin D.M. (2018) Chto delat' so stareyushchim telom? [What to do with an aging body?] *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(2): 133–164 (in Russian).

Shomina E. (2015) Sosedskiye tsentry kak element infrastruktury sosedskogo soobshchestva [Neighborhood centers as an element of the infrastructure of a neighboring community]. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya* [Economic and socio-humanitarian research], 8(4): 95–104 (in Russian).

Symonds A., Kelly A. (eds.) (1998) *The Social Construction of Community Care*. London: Palgrave.

Titmuss R.M. (1968) Community Care: Fact or Fiction? In: Titmuss R.M. (ed.) *Commitment to Welfare*. London: Allen and Unwin: 221–225.

Tykanova E.V., Khokhlova A.M. (2017) Mezhdou politicheskim i apolitichnym: formy uchastiya lokal'nykh soobshchestv v zashchite gorodskikh territoriy [Between the political and the apolitical: forms of participation of local communities in the protection of urban areas]. *Sovremennyy gorod: vlast', upravleniye, ekonomika* [The Modern City: Power, Management, Economics], 1: 218–236 (in Russian).

Wiles J. et al. (2012) The Meaning of «Aging in Place» to Older People. *Gerontologist*, 52(3): 357–366.

Zvonovskiy V., Merkulova D. (2015) Formy sotsial'noy aktivnosti v novykh territorial'nykh soobshchestvakh [Forms of social activity in new territorial communities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change], 125(1): 82–89 (in Russian).